

За свою жизнь Лу Тинфэн обзавёлся множеством знакомств — бизнес, развлечения, светские круги, — но тех, кто помнил его мальчишкой, кто делил с ним радости и беды, можно было пересчитать по пальцам. Чэнь Инань и Кэ Цзюньцзе были именно такими, самыми близкими, почти братьями, и оттого удар, который он только что нанёс Инаню, жёг его собственную ладонь до самого локтя. Они никогда не ссорились по-настоящему, ни одной драки за все годы, и уж точно Лу Тинфэн никогда не поднимал руку на Чэнь Инаня.

Чэнь Инань понимал, что сейчас бесполезно что-либо объяснять, ведь Лу Тинфэн в бешенстве и его не переубедить. Молча, терпя боль, он взял у Хэ Яна платок, скомканную ткань, ещё хранившую тепло чужого тела, и прижал к разбитому носу, из которого всё ещё сочилась кровь. Тяжёлые, тёплые капли застучали по воротнику и снегу, оставляя на белом яркие алые пятна.

Хэ Ян стоял между ними, но всем своим существом, спиной, напряжёнными плечами, готовностью в любой момент заслонить, он явно защищал Чэнь Инаня, и это, конечно, лишь подлило масла в огонь.

— Запомни, — процедил Лу Тинфэн, сверля Чэнь Инаня взглядом, и в этом взгляде клубилась такая ярость, что, казалось, воздух вокруг него плавился. — Это урок. Люди Лу Тинфэна не для чужих рук.

Он резко развернулся, не обращая внимания на сопротивление Хэ Яна, схватил его за запястье, сомкнув пальцы железным кольцом, втокнул в машину и, захлопнув дверцу, вдавил педаль газа. «Пусть только попробует ещё раз посмотреть на него», — пульсировало в висках, и он сам не знал, кого имеет в виду: Чэнь Инаня или самого Хэ Яна. Автомобиль рванул с места и понёсся по заснеженной дороге, колёса то и дело срывались в скольжение, визжали на поворотах, и опасность росла с каждой секундой. За окном мелькали голые ветви деревьев, а дворники металась по стеклу, размазывая мокрый снег. Хэ Ян, не смыкая глаз, вцепился в ремень безопасности и смотрел только вперёд, боясь даже дышать.

У виллы автомобиль, взвизгнув тормозами, замер во дворе. Лу Тинфэн выволок Хэ Яна наружу и потащил в дом. Их шаги гулко и зловеще отдавались в пустых коридорах, и в этом давно уже ставшем чужим пространстве пахло пылью, старым деревом и запустением.

В гостиной, пытаясь унять бешенство, Лу Тинфэн налил себе бокал красного вина. Рубиновая жидкость с тихим всплеском плеснулась о стекло, поймав отблеск свечи, когда он опускался на мягкий диван, уставившись на Хэ Яна тяжёлым, нечитаемым взглядом. Тишина стояла зловещая, ни слова, ни крика, лишь тихое потрескивание свечей и мерный стук настенных часов.

Хэ Ян, решив, что буря миновала, рискнул заговорить, но голос его дрожал, как натянутая струна:

— Мы с Чэнь Инанем не в тех отношениях, о которых ты подумал. Мы просто...

Лу Тинфэн не дал ему закончить. Он выложил на журнальный столик два экземпляра брачного договора. Тонкие стопки белой бумаги, испещрённые чёрными строчками, упали на столешницу с глухим звуком и сухим, казённым шелестом, отчего в воздухе на мгновение повеяло запахом типографской краски и формальности. От резкого движения один лист спланировал на пол.

— Ты умён, Хэ Ян, — голос Лу Тинфэна звучал лениво, почти равнодушно, но в этой лени сквозила угроза и что-то ещё, похожее на усталость. — Ты хочешь развода, но уходить с пустыми руками тебе обидно. Поэтому ты зашёл с другой стороны, с моего дяди. И надо же, как удачно: теперь, с дядиной поддержкой, ты получишь при разводе половину всего. Ты должен быть доволен. — Он сделал глоток вина, не сводя с Хэ Яна глаз, и горькая усмешка тронула его губы. — Но ты снова и снова переходишь мне дорогу. Что мне с тобой делать?

— Лу Тинфэн, — голос Хэ Яна дрогнул, но он заставил себя говорить твёрдо, чувствуя, как страх холодной змеёй ползёт по позвоночнику, — я хочу только развода. Ничего больше. Поверь мне.

— Ха-ха... — смех вышел горьким, коротким, как выстрел. — Сколько раз я это слышал? Надоело. Если бы ты тратил свои способности на что-то другое, а не на эти игры, ты бы не был сейчас в таком жалком положении.

Лу Тинфэн поставил бокал, стекло глухо звякнуло о дерево, и он устало потёр переносицу, чувствуя под пальцами горячую, пульсирующую усталость, прежде чем откинуться на спинку дивана и заговорить ледяным голосом, от которого у Хэ Яна мурашки побежали по спине:

— У тебя есть брат. Этот твой... глуповатый, неуклюжий мальчишка. Сегодня он явился ко мне, кричал, ругался, даже ударить пытался. — Он сделал паузу, наблюдая за реакцией Хэ Яна, и в этой паузе было больше угрозы, чем в любых словах. — Тебя это не волнует?

— Жуйси? — сердце Хэ Яна пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, гулко и часто. — Где он? Где он сейчас?

Чжоу Жуйси всегда был рядом: сначала ребёнком, потом подростком, а после переезда в Пекин снова превратился в того самого маленького брата, который льнул к нему, искал защиты, капризничал и нуждался в заботе, и мысль о том, что он сейчас где-то один, напуганный, возможно, даже пострадавший, обожгла Хэ Яна изнутри, подступая к горлу горячим комом.

— В таком месте, о котором ты не знаешь, — небрежно бросил Лу Тинфэн, хотя на самом деле не собирался причинять мальчишке вред, только припугнуть, заставить Хэ Яна подчиниться. Ему надоел этот новый, колючий, острозубый Хэ Ян, и он хотел вернуть того, прежнего, тихого, послушного, безотказного.

— Лу Тинфэн! — Хэ Ян рванулся вперёд, и в голосе его зазвенели слёзы. — Он ребёнок, он ничего не понимает, у него нет злых намерений! Пожалуйста,пусти его! Наши с тобой

проблемы — это наше дело, зачем впутывать других?

Он смотрел на Лу Тинфэна в упор, и в этом взгляде смешались страх, мольба и отчаяние, такой чистый, такой обнажённый, что у любого другого разорвалось бы сердце.

Лу Тинфэн молчал, буравя его взглядом, и в комнате повисла такая тишина, что слышно было, как тикают настенные часы, отсчитывая секунды этого мучительного, невыносимого молчания.

— Как ты будешь меня умолять? — наконец спросил он, чётко выговаривая каждое слово. — Ты носишь фамилию Хэ, он — Чжоу. Вы даже не похожи. Совсем не похожи на братьев. И ты так за него переживаешь?

Хэ Ян медленно, словно в замедленной съёмке, опустился на колени. Раздался глухой, деревянный стук, эхом отразившийся от пустых стен, и холод паркета обжёг кожу даже сквозь ткань брюк. Он выпрямил спину, поднял голову и встретил взгляд Лу Тинфэна. Глаза его покраснели, но слёзы он сдерживал, и только дрожащие ресницы выдавали, каких усилий это стоило. В эту секунду в нём что-то умерло. «Вот и всё. Больше ничего не осталось». Окончательно и бесповоротно.

— Лу Тинфэн, — голос его звучал глухо, но твёрдо, и каждое слово падало в тишину, как камень в бездонный колодец, — я умоляю тебя. Отпусти моего брата. Мне ничего не нужно, я отказываюсь от всего, подпишу любые бумаги, уйду без копейки, только отпусти нас. Я исчезну навсегда, и ты меня больше никогда не увидишь.

Это было во второй раз, и снова Хэ Ян стоял перед ним на коленях, а слёзы, которые он так старался сдержать, всё же потекли по щекам, оставляя мокрые дорожки на побелевшей коже.

Лу Тинфэн смотрел на него и чувствовал, как внутри что-то сжимается, ломается, трещит по швам, как невидимая рука сдавила сердце так, что стало невозможно дышать. Он не ожидал этого, не ожидал, что станет так больно, что эта боль пробьёт его броню, доберётся до самого нутра и оставит там кровоточащую рану.

Он хотел что-то сказать, слова уже были готовы сорваться с языка, но проглотил их, и в горле остался лишь горький привкус желчи, тугий ком и невысказанное «прости».

<http://bllate.org/book/16098/1570961>